

ЭКСПЕРТНЫЙ ДИСКУРС И ДИСКУРС ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ: КЕЙС-СТАДИ

Ухванова И. Ф., Савич Е. В., г. Минск

Изучение коммуникативных социальных практик как отдельных дискурсов средствами лингвистики дискурса открывает исследователям еще один возможный инструмент для анализа, а главное, для моделирования и прогнозирования социальных процессов. Основная дискурс-лингвистическая категория, позволяющая выйти на синтез и целостное видение социальной реальности, отражаемой и конструируемой в процессе коммуникации, – дискурс-картина. [1, с. 102-122]

Проведенное нами исследование дискурсов конкретных субъектов политического поля Беларуси [2] опиралось на классификацию дискурс-картин, предложенную каузально-генетической теорией (И.Ф. Ухванова). [3] В частности, в качестве ведущих операциональных категорий были выбраны две: дискурс-картина мира и дискурс-картина кортежного взаимодействия. Первая соотносится с таким понятием как предмет-ориентированное, референтное или тематическое содержание. Ключевая категория этого типа содержания – тема. Вторая соотносится с субъект-ориентированным, т. е. субъект-субъектным содержанием. Ключевая категория здесь – роль. Категории «тема» и «роль» рассматриваются как (а) коммуникативно заданные в четырех измерениях (иерархическом и структурном – внелингвистические параметры содержания; парадигматическом и синтагматическом – лингвистические, вербально репрезентированные параметры содержания), а также как (б) непосредственно реализованные в частных (операциональных) исследовательских категориях, поиск и анализ которых предполагается.

Реконструкция дискурс-картины кортежного взаимодействия и дискурс-картины мира из конкретных дискурсов субъектов политики позволило дифференцировать их как типы со схожими либо противоположными характеристиками речевого взаимодействия и видения мира. Сравнительный анализ проводился на материале дискурсов (глубинных интервью) представителей четырех сегментов политического поля Беларуси: политических

экспертов Беларуси; представителей руководства политических партий и общественных организаций, а также широкой общественности Беларуси. Приведем некоторые результаты исследования на примере двух из перечисленных субъектов политики – политических экспертов и общественных организаций. Из четырех экспертов, отобранных для проведения глубинных интервью, двое – эксперты-журналисты, двое других – независимые эксперты-ученые; все четверо не являются членами политических партий и не ангажированы какими-либо партиями, лидерами или другими субъектами политического поля. В выборку общественных организаций вошли три наиболее вовлеченные в политическое участие: Белорусский республиканский союз молодежи (БРСМ) – молодежная общественная организация, поддерживаемая государством; Белорусская организация трудящихся женщин – негосударственная женская общественная организация; одна из правозащитных общественных организаций.

Анализ дискурс-картин экспертов политического поля Беларуси показал, что экспертный дискурс полипарадигмален, т. е. приемлет открытую множественность в репрезентации дискурс-картин мира и кортежного поведения. Каждая отдельная дискурсия принципиально зависит от того, какая методологическая перспектива (позитивизм, интерпретативизм, критицизм или постмодернизм) доминирует в видении реальности. Каждый из экспертов в любом случае в той или иной степени опирается в своих выводах на факты, рефлексию, интерпретацию, оценку, делает те или иные прогнозы, однако вес каждой из этих составляющих экспертизы принципиально иной. Выявленное наличие типов коммуникативного поведения экспертов, совпадающих с типами парадигмальных исследовательских подходов, является знаком наличия высокой потенции у экспертного сообщества страны, но не является знаком ее реализации, ибо ее реализация – наличие экспертного сообщества.

В дискурс-проекции мы наличия этого сообщества не обнаружили. Отдельные эксперты строят свои дискурс-миры, в которых нет места экспертной общности как институциональному субъекту, но есть место им как представляющим себя лично и свои знания. В результате у них нет потребности в некой исходной (методологической) точке отсчета. Роль эксперта может

перекрываться другими ролями, например, нарратора или критика, обладающего знаниями в своей области. Другими словами, ключевой становится роль стороннего наблюдателя, который вправе выбирать любую модальность повествования. Находясь в таком контексте, эксперт приучается не ждать реакции широкой научной общественности, ему достаточно понимания «избранных», т. е. даже не своей профессиональной, а еще более узкой дискурс-сообщности.

Сопоставление дискурс-картин кортежного взаимодействия и дискурс-картин мира представителей трех общественных организаций показало, что вторые являются развитием первых. Именно кортежное взаимодействие становится тематичным и представляет мир общественных организаций. Картины как будто непротиворечивы и поддерживают друг друга. Каждая обозначает тех субъектов, отношения с которыми являются необходимостью для организации. Это сама организация, государство и социальная группа. Однако те роли, которые этим субъектам предписывают респонденты в картинах кортежного взаимодействия, не соответствуют тому содержанию, которое реконструируется в дискурс-картинах мира:

1) во всех трех картинах кортежного взаимодействия организации являются выразителями и защитниками интересов определенных слоев общества, ни в одной из дискурс-картин эта роль не подтверждается реальной деятельностью организаций (общество как цельный институт отсутствует в их дискурс-картинах);

2) отношения с государством, представленные в картинах кортежного взаимодействия, также не соответствуют реальным отношениям, которые присутствуют в дискурс-картинах мира. Так, заявленная БРСМ роль государства как защитника и партнера оказывается ролью заказчика и спонсора. Роль государства для правозащитной организации и для БОТЖ – быть постоянным оппонентом, государство для нее – это в основном инертная, но временами весьма агрессивная сила, не готовая к переменам. Уточняется в картине мира естественностью такой роли, что смещает акцент с оппозиционной характеристики деятельности общественных организаций на «конфронтационную по поводу» и именно в таком смысле необходимую в первую очередь для самой организации, иначе в ней не было бы смысла.

Сравнение картин дает возможность реконструировать, каким образом общественные организации реализуют взаимодействие с остальными субъектами: экспертами, политическими партиями, обществом. В целом организации видятся либо отстраненными, либо самоотстраненными и от граждан, и от партийного сообщества. Это происходит как благодаря их профессионализму (каждая организация четко выполняет свои цели и задачи, являясь экспертом сама для себя), так и вопреки ему: это не общественная организация в ранее понимаемом смысле слова, работает не на общество, а на некий сегмент (в каких-то случаях на самих себя).

Литература

1. Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики / под ред. И. Ухвановой, А. Кожинной, Е. Савич. – Минск : РИВШ, – 2013. – 368 с.
2. Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов : сб. науч. тр. Вып. 6 : Политическое поле Беларуси глазами дискурс-аналитика / И. Ф. Ухванова-Шмыгова, Е. В. Савич, Н. В. Ефимова. – Минск: ИЦ БГУ, 2009. – 216 с.
3. Ухванова-Шмыгова, И. Ф. Каузально-генетическая модель / И. Ф. Ухванова-Шмыгова // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов; под ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск : БГУ, 1998. – С. 38–48.